

У.К.Ч. Гатри. *История греческой философии.* **Т. 3. Софисты. Сократ.**

Перевод с английского под редакцией
И.Н. Мочаловой и В.В. Прокопенко. СПб.: Владимир Даль, 2021

Для цитирования: Наранович, С.В. Рецензия на книгу *История греческой философии. Т. 3. Софисты. Сократ*, У.К.Ч. Гатри. *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 449–457.

For citation: Naranovich, Stanislav V. Review of *A History of Greek Philosophy. Vol. 3. The Fifth-Century Enlightenment*, by W.K.C. Guthrie. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 449–457. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 14.06.22

Принята к публикации / Accepted: 30.06.22

«История греческой философии» шотландского филолога-классика и антиковеда Уильяма Гатри – последняя многотомная работа по греческой философии авторства одного ученого после «Греческих мыслителей» Теодора Гомперца (выходили в 1896–1909 гг.) и «Греческой философии в ее историческом развитии» (первое издание 1844–1852 гг.; дополненные переиздания выходили до конца XIX в.) Эдуарда Целлера. Труд Гатри выходил с 1962 по 1981 г., довести он его успел только до Аристотеля. Рассматриваемый нами третий том, посвященный софистам и Сократу, вышел в 1969 г.

Свою задачу Гатри излагает во введении к первому тому:

Я прекрасно сознаю огромность задачи. <...> Будучи далеко не пионерским исследованием, эта книга имеет дело с предметом, почти каждая деталь которого многократно разобрана в мельчайших подробностях. Что необходимо (и здесь мало кто будет возражать), так это всестороннее и систематическое изложение, которое, насколько возможно, уделит должное внимание противоположным точкам зрения известных ученых, станет посредником между ними и представит наиболее обоснованные выводы в ясной и удобочитаемой форме. Качества, необходимые для такой работы, – это не столько оригинальность и блеск, сколько трезвость, здравомыслие, верность суждений и настойчивость¹.

Третий том в полной мере соответствует этим критериям. Несмотря на то, что опубликован он более пятидесяти лет назад, устаревшим его считать нельзя. Том поделен на две части, посвященные софистам и Сократу соответственно. Часть про софистов состоит из трех больших смысловых блоков: общие внешние черты группы людей, которых греки стали называть софистами (преподавание разных ремесел и наук как оплачиваемая профессия, публичные лекции, межполисный статус, натуралистическое мировоззрение, эмпиризм, etc.), центральные темы их творчества и раздел с биографиями и индивидуальными особенностями каждого софиста. Большую часть тома занимает изложение ключевых тем софистической мысли: это антитеза закона и природы в морали и политике, концепция общественного договора, равенство (политическое, социальное, финансовое и расовое), ценностный релятивизм, теории языка и другие грамматические вопросы, критика традиционной религии и обучение добродетели.

Такое обстоятельное рассмотрение позволяет увидеть в софистах, к которым с легкой руки Платона долгое время относились пренебрежительно, подлинных творцов интеллектуального

¹ У.К.Ч. Гатри, *История греческой философии*, т. 1, *Ранние досократики и пифагорейцы*, пер. с англ. под ред. и с примеч. Л.Я. Жмудя (СПб.: Владимир Даль, 2015), 64.

ландшафта V в. до н.э., во многих отношениях определивших дальнейшие пути развития греческой мысли. Как пишет Гатри,

софисты, с их формальным обучением, опирающимся на их сочинения и публичные выступления, были главными действующими лицами эпохи, получившей позднее известность как греческое Просвещение. <...> Сократ и Платон никогда не существовали бы без софистов (с. 73–4).

По поводу отношения Платона к софистам Гатри тоже делает важное замечание, которое за платоновской критикой софистов не всегда осознается, – на самом деле Платон относился к некоторым из них вполне благожелательно:

Почтительность, с которой он [Платон] рассматривает его [Протагора] взгляды, выглядит весьма впечатляющей на фоне его глубоких разногласий с ним. <...> Его [Протагора] собственный вклад в дискуссию [с Сократом] постоянно отличается высоким уровнем, как интеллектуальным, так и моральным, и не оставляет сомнений в том возвышенном уважении, которое Платон по отношению к нему сохраняет (с. 402).

Первая половина, помимо самостоятельной ценности, служит также необходимой почвой для того, чтобы перейти к рассмотрению Сократа, который был плоть от плоти той же эпохи, что и софисты, и их постоянным оппонентом в спорах о том, являются ли законы и нравы плодом конвенции или природы, можно ли научить добродетели, относительно ли ценности или нет и по многим другим вопросам. В отличие от части про софистов, в которой Гатри с изобилием приводит мнения других ученых, его портрет Сократа носит более личный характер:

Если у каждого человека есть свой собственный личный Сократ, то и я могу лишь представить своего собственного. Мой образ Сократа будет опираться на самую справедливую оценку доказательств, на какую я только способен (с. 489).

Часть про Сократа состоит из трех блоков: первый посвящен методологии и источникам, второй – биографическим свидетельствам, третий – его основным философским идеям. Гатри

чужда неприязнь историков античной философии, принадлежащих аналитической традиции, к Ксенофону как источнику по воззрениям Сократа (разделяемая, например, Властосом²). Отмечая у Ксенофонта слабую «способность к глубокому философскому размышлению», Гатри тем не менее признает, что

впечатление уникальности и мощного влияния, <...> которое он [Сократ] оказывал на каждого, кто с ним встречался <...>, будет более понятным, если мы предположим, что он обладал большей частью как того, что в нем открыл Платон, так и того, что открылось прозаическому здравому смыслу Ксенофонта (с. 506).

Сократ Гатри – это в первую очередь, согласно знаменитому свидетельству Аристотеля, тот, кто ввел в философию строгий научный метод индукции и дефиниции для рассмотрения этических добродетелей. Главным смыслом этого метода был «прогресс в постижении сущности», эйдоса, через индуктивный вывод и определение. Сократ не был первым, кто прибегнул к этим логическим операциям, но именно начиная с него они стали обязательны для философского и, шире, научного мышления. Техническое понятие эйдоса для обозначения сущности исследуемой вещи, по Гатри, тоже было введено Сократом и перенято Платоном.

Метод Сократа связан с тремя фундаментальными тезисами его учения, которые, в свою очередь,

настолько связаны друг с другом, что образуют едва ли разделимые части единого целого. Эти тезисы: добродетель – это знание; в противоположность этому, злодеяние может быть вызвано только неведением и поэтому должно считаться неумышленным; и «забота о душе» – первое условие праведной жизни (с. 680).

Этическим целям Сократа, состоящим в том, чтобы «заботиться и присматривать за самим собой, совершенствоваться

² Грегори Властос, «Сократ» в *Греческая философия*, ред. Моника Канто-Спербер, пер. В.П. Гайдамак и М.А. Графова (М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006), 1:135–38.

и обучаться» (с. 713), Гатри уделяет внимания меньше, чем, например, Йегер в своем портрете Сократа³. И все же, в отличие от того же Йегера, сконцентрировавшегося в первую очередь на воспитательных задачах Сократа, Гатри предпринял выдающуюся попытку разобраться во внутренней взаимосвязи заботы о душе, познания себя и других элементов сократовской философии, и это одно из главных достоинств его работы.

Напоследок следует сказать несколько слов о переводе, поскольку он, к сожалению, непосредственным образом сказывается на восприятии содержания. Сам формат книг, изобилующих иноязычными терминами, цитатами и постоянными примечаниями, предполагает, что их крайне затруднительно выпустить без опечаток. Переводчики и редакторы, безусловно, выполнили колоссальный труд. И все же количество ошибок самого разного рода в третьем томе портит чтение безвозвратно. Он выполнен значительно хуже, чем замечательный первый том, изданный под редакцией Л.Я. Жмудя.

Во-первых, ошибки транскрипции имен. Так, на протяжении всего пересказа ксенофоновского «Домостроя» собеседник Сократа Критобул неоднократно фигурирует как Критон. Через несколько страниц он становится Критобулусом. Дж. Керк в первом томе превратился в Кирка во втором и третьем. Олоф Жигон стал Гигоном. Соломон Яковлевич Лурье превратился в, видимо, испанца Луриа.

Во-вторых, стилистические ошибки и калькированный перевод: «движется подобно нити через диалоги» (с. 516, проходит нитью); «время его жизни продолжалось более пятидесяти лет после казни Сократа» (с. 528, он прожил более пятидесяти лет); «отношение к гомосексуальным отношениям» (с. 589) и т.д.

Но более всего огорчают ошибки, связанные с банальным непониманием значения слов и выражений. Так, Гатри рассказывает, что в «Домострое» имеются признаки сократовской теории припоминания, и хотя Ксенофонт пишет о ней применительно к земледелию, «автор “Воспоминаний” мог быть первым

³ Вернер Йегер, *Пайдейя. Воспитание античного грека*, т. 2, *Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем*, пер. М.Н. Ботвинника (М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997), 59–100.

(would be the first⁴), кто признал, что Сократ применял свой метод к более философскому, в частности этическому учению» (с. 509).

Создается ощущение, будто Гатри говорит, что Ксенофонт первым, еще до Платона, признал сократовскую теорию припоминания. На деле же утверждается, что Ксенофонт, даже несмотря на то, что писал о теории припоминания применительно к земледелию, первым бы согласился, что она имеет отношение и к философии тоже – здесь нет никакого фактического первенства Ксенофонта, это просто фигура речи.

Иногда смысл меняется на ровно противоположный:

Оба вводят божественный знак, Ксенофонт – как запрет готовить защиту заранее, Платон – как предупреждение против его прибытия на суд (as having uttered no warning against his coming to trial), указывая, тем самым, что, независимо от результата, это должно быть благом (с. 512).

Напомним, в платоновской «Апологии» внутренний голос, наоборот, не предостерегает Сократа от прибытия на суд.

Перечислим еще несколько характерных ошибок и кратко прокомментируем их.

Аристофан – это единственный комедиограф того времени, полные пьесы которого у нас имеются, но он не единственный, кто высмеивал Сократа, который, очевидно, считался особенно хорошим человеком (a peculiarly good subject) (с. 543).

Сократ, конечно, считался особенно хорошим человеком, но здесь идет речь о том, что он считался комедиографами особенно хорошим предметом для шуток.

В последние годы сложилась тенденция утверждать, что образ Сократа свободен от акцента на его характере, что на самом деле Аристофан изо всех сил старается сделать различие между своим (his) учением и безнравственной софистикой (с. 556).

⁴ Здесь и далее текст оригинала дается по изданию W.K.C. Guthrie, *A History of Greek Philosophy*, vol. 3, part 2, *Socrates* (Cambridge: Cambridge University Press, 1971).

Аристофан старается провести различие не между неким своим учением, а между учением Сократа и софистикой.

В Сократе из «Облаков» по меньшей мере три различных типа <...>: во-первых, софист, обучающий превращать плохую случайность (case) в хорошую (с. 560).

Case – это довод, софисты обучали превращать слабые доводы в сильные.

О том, что клевета на Сократа имеет корни еще более давние, чем аристофановские «Облака»:

Как указывает Бернет, всем присяжным должно было быть больше тридцати, и маловероятно, что в конце войны, которая захватила целое поколение, многим из них было под пятьдесят (с. 566, в оригинале «it was unlikely that many of them were under fifty»).

Сложно понять, что имеется в виду под калькированным переводом «маловероятно, что многим из них было под пятьдесят». Между тем мысль проста: мало кому из присяжных было меньше пятидесяти – т.е. большинство было старше пятидесяти.

О профессии отца Сократа, Софрониска из дема Алопека:

λίθουργός или λίθοξόος обычно переводится как «каменщик», но такой, который располагается гораздо выше по художественной шкале <...>. От заурядных скульпторов требовали отказаться от гермы и Аполлона, и так для каждого дома и улицы, которые теперь могли быть оригинальным произведением искусства не в большей мере, чем монументальная скульптура наших кладбищ. Многие из таких тружеников жили в Алопеке, которая находилась на дороге от Афин к мраморным карьерам Пентеликона (с. 570).

Что значит, что от скульпторов требовали отказаться от гермы и Аполлона? Что за дома и улицы, которые были произведениями искусства не в большей мере, чем скульптуры наших кладбищ? Тут предложение стоит привести целиком:

Run-of-the-mill sculptors would be want to turn out the herms and Apollos and such for the every house and street, which would be

no more original works of art than the monumental sculpture of our cemeteries.

Речь идет всего лишь о том, что среднестатистические каменщики, каким был отец Сократа, производили гермы, скульптуры Аполлона и т.п. для каждого дома и улицы, и обладали эти предметы такой же художественной ценностью, как памятники на современных кладбищах.

В следующий раз мы слышим о его появлении на публике в 406 г., когда он оказал сопротивление требованию, чтобы военачальники, которые не смогли спасти людей с кораблей, уничтоженных в победоносной битве при Аргинусских островах, предстали перед судом вместе и их дела не рассматривались бы по отдельности. Это было незаконно, и это оказалось поворотом его «племени» к пританам (This was illegal, and it happened to be the turn of his «tribe» to be prytaneis) (с. 572).

Что за «это», которое «оказалось поворотом»? Что такое поворот племени к пританам? Смысл всего лишь в том, что когда судили стратегов, филе (т.е. «племени») Сократа пришла очередь занимать должность пританов, определявших ход судебного процесса.

[Сократ] был известен тем, что говорил вещи, казавшиеся несовместимыми с демократической формой общественного устройства в целом, как ее тогда понимали. Сторонники демократии не могли чувствовать себя в безопасности, пока он не был с ними (until he was out of the way) (с. 574).

Пока он им не перестал мешать, путаться под ногами, ничего про присоединение к демократам тут не говорится.

О словах Сократа, что, о чем бы он ни говорил, он всегда «говорит одно и то же об одном и том же»:

Это был хорошо известный ответ Сократа тем людям, которые надоедали ему утомительным пересказами (с. 583, в оригинале: «a well-known reply of Socrates to people who taxed him with tedious repetitions»).

На самом деле это был ответ Сократа тем людям, которые обвиняли его в занудных повторах.

О скульптурной традиции изображения Сократа:

Существующие представления (extant representations) делятся на два типа, один из которых, вероятно, основан на бронзе Лисиппа (с. 584).

Extant representations – это дошедшие до нас изображения.

Это всего лишь некоторые из неправильных транскрипций, стилистических погрешностей и ошибок перевода, встречающихся практически на каждой странице. Сейчас издательством готовится к выходу четвертый том, и чтобы он не был таким же образом загублен, хотелось бы пожелать переводчикам и редакторам вернуться к высокому качеству первого.

С.В. Наранович,
РГГУ

125047, ул. Чайнова, д. 15, корп. 7, г. Москва, Россия
snaranovich@gmail.com